

Поэтика вещи в героическом эпосе «Джангар»

Байрта Барбаевна Манджиева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-5644-3340. E-mail: mbbairta[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Манджиева Б. Б., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена рассмотрению поэтики вещей в эпической традиции «Джангара» калмыков России и ойратов Синьцзяна. Изображение мира вещей, которые окружают героев эпоса, служит не только материальным фоном, они (предметы, вещи) необходимы для действий персонажа и выражения его индивидуальности. *Материалом* исследования являются тексты эпических песен синьцзян-ойратской и калмыцкой версий «Джангара». *Цель* статьи — рассмотрение предметно-вещного мира в героическом эпосе «Джангар». *Результаты.* Рассмотрение предметно-вещного мира в калмыцкой и синьцзян-ойратской версиях «Джангара» показало, что в текстах песен вещь является одним из элементов, характеризующим образ богатыря, в изображении эпической картины мира, его героев, персонажей вещь приобретает символическое значение. Название эпической страны Бумба ассоциативно связано с функционирующим объектом — «сосудом соковищ», семантическое поле которого является его связующим звеном. Во дворце как предметной реалии эпического пространства сохранены опыт кочевой жизни ойратов и калмыков, их материальный быт. Эпический дворец Джангара, являясь своеобразным полем притяжения, собирает богатырскую семью за пиршественным столом, где правитель Бумбы выбирает богатыря для отправления в боевой поход. Предметы снаряжения коня и вооружения богатыря в эпосе «Джангар» соотносятся с предметными реалиями, с помощью которых герой передвигается в эпическом пространстве, проходит трудные

испытания и достигает цели боевого похода. Вещи, соотносимые с предметами материальной культуры, выполняют свои основные функции и сопряжены с особенностями мировоззрения традиционной культуры монгольских народов.

Ключевые слова: эпос «Джангар», песнь, богатырь, предметы, вещи, пространство, дворец, страна, одежда, вооружение.

Благодарность: Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Манджиева Б. Б. Поэтика вещи в героическом эпосе «Джангар» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 1. С. 53–71. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-1-29-53-71

Poetics of Things in the Heroic Epic “Dzhangar”

*Bayrta B. Mandzhieva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-5644-3340. E-mail: mbbairta[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Mandzhieva B. B., 2024

Abstract. Introduction. The article is devoted to the consideration of the poetics of things in the epic tradition of “Dzhangar” of the Kalmyks of Russia and the Oirats of Xinjiang. The image of the world of things that surround the heroes of the epic serves not only as a material background, they (objects, things) are necessary for the actions of the character and the expression of his individuality. The research material is the texts of the epic songs of the Xinjiang-Oirat and Kalmyk versions of “Dzhangar”. The *purpose* of the article is to consider the objective-material world in the heroic epic “Dzhangar”. **Results.** Consideration of the objective-material world in the Kalmyk and Xinjiang-Oirat versions of “Dzhangar” showed that in the lyrics a thing is one of the elements characterizing

the image of a hero; in the depiction of an epic picture of the world, its heroes, characters, a thing acquires a symbolic meaning. The name of the epic country Bumba is associatively connected with a functioning object — a “treasure vessel”, the semantic field of which is its connecting link. The palace preserves the experience of the nomadic life of the Oirats and Kalmyks, their material way of life, as an objective reality of the epic space. The epic palace of Dzhangar, being a kind of field of attraction, gathers the heroic family at the banquet table, where the ruler of Bumba chooses the hero to go on a military campaign. The items of horse equipment and weapons of the hero in the epic “Dzhangar” are correlated with the objective realities with the help of which the hero moves in the epic space, undergoes difficult trials and achieves the goal of the military campaign. Things that are correlated with objects of material culture perform their main functions and are associated with the peculiarities of the worldview of the traditional culture of the Mongolian peoples.

Key words: epic “Dzhangar”, song, hero, objects, things, space, palace, country, clothing, weapons

Acknowledgment. The reported study was funded by government subsidy — project name «Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China» (state registration number: 123021300198-4).

For citation: Mandzhieva B. B. Poetics of Things in the Heroic Epic “Dzhangar”. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2024; 1: 53–71. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-1-29-53-71

1. Введение

Изображение мира вещей, которые окружают героев эпоса, служит не только материальным фоном, они (предметы, вещи) необходимы для действий персонажа и выражения его индивидуальности. В героическом эпосе «Джангар» вещи, соотносимые с предметами материальной культуры, выполняют свои основные функции и сопряжены с особенностями мировоззрения традиционной культуры в целом и монгольских народов в частности.

Изучению «внутреннего мира» художественного произведения посвящена работа Д. С. Лихачева [Лихачев 1968], мир эпического произведения как теоретико-литературная проблема исследована Г. И. Романовой [Романова 2008], предметные реалии русской

волшебной сказки изучены В. Е. Добровольской [Добровольская 2009], органическое единство героя и вещи в героических песнях древнескандинавского эпоса рассмотрено в монографии А. Я. Гуревич [Гуревич 2020: 52–63], поэтика вещи в русской прозе XX века исследована Т. В. Цивьян [Цивьян 1993], Р. М. Ханиновой [Ханинова 2012]. Изучению вещи как знакового средства традиционной культуры, символического языка предметного мира посвящены работы таких исследователей, как Д. А. Баранов [Баранов 2005], С. М. Богомаз [Богомаз 2008], Ю. М. Трещенок [Трещенок 2016] и др.

Цель данной статьи рассмотрение предметно-вещного мира в героическом эпосе «Джангар». Материалом исследования являются тексты эпических песен синьцзян-ойратской и калмыцкой версий «Джангара» [Джангар 2005; Джангар 2006; Джангар 2020].

В текстах песен героического эпоса «Джангар» вещь является одним из элементов, характеризующим образ богатыря. В изображении эпической картины мира, его героев, персонажей вещь приобретает символическое значение.

2. Страна Бумба как «Сосуд неисчерпаемых сокровищ»

В героическом эпосе «Джангар» легендарная страна хана Джангара называется *Бумбин орн* (страна Бумба). По мнению академика С. А. Козина: «Слово *bumba*, имеющее в калмыцком языке разнообразные значения (как то: высокое здание для хранения святынь, купол, каланча, памятник, священный сосуд для освещения воды), в памятнике имеет какое-то иное значение; <...> это слово выражает понятия, близкие к нашим — „священный“, „заветный“, „запретный“, „неодолимый“, „непобедимый“ и т. п. В языках, более близких к халхаскому, *bumba* означает шарообразный предмет, в том числе купол...» [Козин 1940: 75–76].

Слово «бумба» встречается в тибетском языке, которое означает сосуд сокровищ (тиб. *gter gyi bum pa*). «Сосуд неисчерпаемых сокровищ» имеет плоское основание, круглый корпус, узкое горлышко и волнистый верхний обод. Типичный тибетский сосуд сокровищ обычно выглядит как искусно изготовленная ваза с орнаментами из лotosовых лепестков, расходящимися по ее плавным изгибам, и одиночной драгоценностью

или группой драгоценностей, выглядывающих из ее отверстия. Великая драгоценная ваза описывается в подношении мандалы как изготовленная из золота и украшенная множеством драгоценных камней. Вокруг горлышка обвязана шелковая лента из мира богов, а в верхнем отверстии находится древо, исполняющее желания. Оно способно создавать все виды сокровищ, а его корни напитаны водой долголетия. Божественный сосуд неисчерпаемых сокровищ обладает качеством спонтанного проявления, сколько ни черпай из сосуда, он всегда остается полным» [Бир 2011: 197]. Аналогичным качеством неисчерпаемости наполняется страна Бумба. В экспозиционной части эпоса «Джангар» страна Бумба подобно «сосуду неисчерпаемых сокровищ» представлена вечной страной: *Укл уга мөңкин орн, / Үвл уга зуни орн / Дуңгәһәд бәәдг. 'Смерть не познавшая, вечной жизни это страна, / Зим не знающая, [вечного] лета это страна, / Величия исполненная [это страна]' [Джангар 2020: 46].*

Таким образом, название эпической страны Бумба ассоциативно связано с функционирующим объектом «сосудом сокровищ», семантическое поле которого является его связующим звеном.

3. Дворец как предметная реальность, организующая пространство

Мотив сооружения дворца в эпосе «Джангар», являясь одним из распространенных мотивов в тюрко-монгольской эпической традиции, представляет детальное описание построения грандиозного жилища властелину Джангару: *Найн дөрвэр термлгсн, / Терминь миңһәдәр уньлгсн, / Уньн-юһинь / Арслңгин соя-юһар шахулгсн, / Терм-юһинь / Даң заани сояһар кевлгсн, / Мал улан ширәр ширдгсн, / Маҗ малын тосар өңлгсн, / Күдр зандар эрклгсн, / Күҗә улан зандар харачлгсн, / Еңәр цаһан мөңгәр цаһрлгсн, / Өнчн зандар шуурлгсн / Бумбин өндр цаһан өргә. 'Из восьмидесяти четырех терме состоял, / Каждая терме тысячу унин держала, / Унины / Из львиных клыков [узорами] были украшены, / Терме / Из бивней слона [узорами] были украшены, / Масляной красной краской покрашенный, / Жиром буйвола, словно лаком, покрытый, / С порогом из прочного сандала, / С харачи из благовонного красного сандала, / С цагараком из звонкого серебра, / С шестами из одиноко*

росших сандалов / Бумбайский высокий белый дворец' [Джангар 2020: 224–225].

Процесс сооружения дворца описывается детализировано: воздвигают из слоновой кости восемьдесят четыре *терм*, деревянных решеток цилиндрической части юрты. «Каждая решетка терм состояла из отдельных 4-гранных или круглых деревянных шестов, половина которых имела равную длину, а другая часть постепенно уменьшалась к концу» [Калмыки 2010: 123]. Простая юрта имеет 6 *терм*, юрта знати — до 12, дворец с 84 *терм* — гипербола. «Верхняя часть решеток образовывала вилкообразные гнезда (*термин толһа*), к которым крепились при помощи петель (*уьһна салдрһ*), изготовленных из конских волос, жерди — *уьһн* (материалом для последних также чаще служила сосна)» [Калмыки 2010: 124]. В сооружении дворца каждый *терм* снабжают тысячью *уьһн*, которые подпирали верхний круг *харач*. В эпосе «Джангар» «из священного благовонного прекрасного сандала сооружают *харач*, из твердого сандала — опорный столб (*шуург*), из одиноко выросшего сандала — острия поддерживающих верхний круг юрты *уьһн*» [Манджиева 2010: 61].

В синьцзын-ойратской версии эпоса «Джангар» в репертуаре известного сказителя Рампиля тема построения дворца Джангару имеет аналогичное с калмыцкой версией описание, единственным отличием является тема подготовки материалов для сооружения дворца, где джангарчи показывает процесс работы мастеров над деталями ставки: *Алтн Чееж баавни толһалгсн баатрмудни / Урһа һалвр зандн моддудыг / Утарни делдэд авч ирэд, / Ац бүрини шудрж хаяд, / Эргн күрэлүлж шөрг тэвэд, / Эвтни күргэд авад иргсн цагт, / <...> Арвн һурвн хаиһ үүдини цудхад, / Мөңгн болдар мөрг кегсн, / Мөөрсн болдар ирмг һарггсн, / Арвн һурвн үүдини босхад, / Найн һолын модыг / Нәрхн зүсэж ирэд, / Нэһһини олж нишүлэд, / Наһр зандн модар / Нуурвч юуһини кеж, / Төмрин сән болдын сән хойрар / Төдгн шинэжрлэж хадад, / Арвн һурвн хааһулыни кеһэд, / Жиндмани жүирн зурһан терзини һарһад, / Дөнэжр мөңгн шатыни тэвэд, / Дөкм цәкүр алтн тегтини һарһад, / Өргн Шарт хойр һолд / Бөкн харһа тагтыг тэвэж...* ‘Алтан Чеджи возглавляемые богатыри, / Растущие сандаловые деревья, / По всей длине, / От веток очистив, / Опорный столб соорудили, / Когда с ловкостью

поставили, / <...> Тринадцать дверей отлили, халцедоном украсили, / Из серебрястой стали порог сделали, / Из мягкой стали края сделали, / Тринадцать дверей установили, / Деревья восьмидесяти рек / Тонко расщепили, / Ладно соединили, / Из агар-сандала / Нюрювчи (открывающееся окно в двери) сделали, / Лучшее из железа и лучшее из стали выбрав, / Запоры цепью (т. е. друг за другом) прибили, / Тринадцать засовов смастерили, / Шестьдесят шесть окон вырезали, / Серебряную лестницу приставили, / Золотой мост смастерили, / Между двух рек Ерген и Шарта / Мост из лиственницы установили...'¹ [Джангар 2005: 106–108].

В героическом эпосе «Джангар» детализированное описание сооружения жилища «имеет вид не дворца, а кочевой юрты со всеми ее конструктивными элементами (решетчатые стенки тэрэмы, поддерживающие верхнее покрытие жерди-унины), правда, огромных размеров и сделанных из очень дорогих материалов» [Неклюдов 2019: 170]. Таким образом, дворец, представляющее стационарное жилище — кибитку (юрту), является символом кочевой культуры, в котором сохранены опыт кочевой жизни калмыков и ойратов, его материальный быт.

Эпический дворец властелина Джангара является своеобразным полем притяжения, где за пиршественным столом собираются все богатыри. Как известно из исторических источников, на пирах решались важнейшие государственные вопросы — от престолонаследия до вопросов войны и мира. В героическом эпосе «Джангар» на пиру правитель Бумбы выбирает богатыря для отправления его в боевой поход.

4. Предметы снаряжения коня героя

За выбором богатыря следует традиционная тема подготовки богатыря и его коня к походу. Подготовка коня к походу является одной из излюбленных тем монголоязычного эпоса. Тема подготовки коня настолько значима, что, несмотря на большой объем, ее повторяемость во всех песнях «Джангара» является естественной и необходимой. Эта константа неизбежно повторяется и во всех версиях эпоса. Конь в покое и в движении, его масть и экс-

¹ Здесь и далее перевод синьзьян-ойратской версии осуществлен автором настоящей статьи. — Б. М.

терьер, его поступь «относится к высшим представлениям кочевников о прекрасном» [Кичиков 1992: 253].

Известно, что в экспозиции богатырской сказки герой-одиночка сам добывает и приводит чудесного скакуна, в эпосе же эту функцию выполняет конюший-стремянный. Константа «подготовка богатырского коня» разрабатывается в эпосе по-разному, в зависимости от художественно-стилистического своеобразия песен. Данная константа настолько значима, что, несмотря на повторяемость во всех версиях и циклах, является важной составляющей эпоса.

Тема «подготовки коня» начинается формульным выражением: *Күүкн Цаган мөрч, Өлн Көк Галзн күлг мини тох!* — гив. ‘Конюший Кюкен Цаган, / Истомленного [ожиданием] Кёке Галзана скакуна седлай! — повелел’ [Джангар 2020: 62–63].

Приведенное формульное выражение является исходной точкой подготовки к походу коня, которого конюший должен поймать богатырским арканом: *Күүни кеврдгин чинэн / Көк торһн цалмин / Танч мөңгн савхдынь / Эркэ хумха хойрар дөмэд оркв. / Керэ жирн зурһан хорькин ард / Кемжэһн уга дарад оркв. / Гаңһа улан эрг һатлһжэ туульв.* ‘С человеческое туловище толщиной / [Сплетенного] из синего шелка аркана / Серебристый тонкий конец / Большим и указательным пальцами зажав, / Позади шестидесяти шести застежек [подпруги] / Бессчетно [конюший] надавил — / Брыкаясь, по широкому красному берегу [конь его] помчался’ [Джангар 2020: 244–247].

В эпической традиции ойратов и калмыков богатырский аркан имеет гиперболизированное описание: «С человеческое туловище толщиной сплетенный из синего шелка аркан» [Джангар 2020: 244; Джангар 2005: 615]. У разных народов аркан изготавливался из разных материалов, «арканы бытовали самые различные, как по материальной своей составляющей (сплетенные ремешки из кожи (козьей, оленьей, конской, бычьей, змеиной <...>); из полосок особой ткани; из конских жил обтянутых сверху тонкой кожей; волосяные из конских грив и хвостов, иногда вперемешку с человеческим волосом; из нитей грубой козьей шерсти; из волокон конопли и т. д.), так и по своему конструктивному исполнению (плетенные; скрученные; с металлическим, костяным или каменным кольцом;

с кожаным ушком особой конструкции вместо кольца; с рукояткой на конце для удержания; с шестом, с железным крюком)» [Мысыккаты 2020: 197].

В традиционной культуре монгольских народов аркан применялся не только в скотоводческом хозяйстве для поимки пасущихся лошадей, но также использовался в бою как метательное оружие против вражеского наездника.

До привода к ставке богатыря, отправляющегося в боевой поход, скакун проходит все стадии полной выстойки, сказитель воспевает достоинства и красоту коня. *Магтал* (хвала) коню — наиболее своеобразный и характерный жанр фольклора кочевников, известный и как самостоятельный жанр, и как вставные описания в эпосе. Описание красоты и достоинств коня в форме традиционного *магтала* имеет широкое распространение в эпической поэзии монголоязычных и тюркоязычных народов и отражает их высшие представления о прекрасном. *Магтал* включает хвалебные характеристики масти коня, его экстерьера, темперамента, бега, поступи.

Воспевая боевого коня, джангарчи прибегали к «украшающим» эпитетам, устойчивым сравнениям и другим выразительным средствам лексики. Б. Л. Рифтин отметил такую особенность, как «расчлененное», т. е. «по частям», описание коня с явной гиперболизацией [Рифтин 1982: 71]. Эта особенность присутствует во всех версиях и циклах «Джангара»: *Туула сээхн зоота, / Тошл сээхн хуйта, / Ялмн сээхн хаата, / Еңсг сээхн толһата, / Өрм сээхн нүдтэ, / Өргн сээхн чеежтэ, / Өл йоңхр дөрвн нашг алтн турута, / Найн алд шур сээхн сүүлтэ, / Нээмн алд сувсн сээхн делтэ, / Тунжрмудын тохм — / Долан зун гүүтэ, Долда зеерд ажрһта, / Ажрһин ууһн үрн — / Дольһрхн сээхн Зеердиг Дуут Жаңһрин өргэ тал зөрүлэд нарв.* ‘Как у зайца, прекрасной была спина его, / Гладкими были красивые бедра его, / Как у тушканчика, прекрасными были передние ноги его, / Изящной была красивая голова его, / Как сверла бурава, острыми были глаза его, / Широкой была красивая грудь его, / Крепкими были четыре прекрасных копыта его, / В восемьдесят сажений с коралловым отливом хвост был у него, / В восемь сажений с жемчужным отливом грива была у него. / Из породы *тунджуров*, / Того, чей косяк — семьсот кобылиц, / Округлившегося рыжего жеребца, / Того жеребца первенца — / Резвого

прекрасного Зерде / Ко дворцу прославленного Джангара повели’ [Джангар 2020: 280–281].

Следующий этап подготовки — седлание коня. В эпосе различных народов упоминаются принадлежности конского снаряжения с разными отличиями, но с неизменной полнотой и любовью. К предметам конского снаряжения относятся: потники, седло с подушкой и стремянами, подпруги, подхвостник, нагрудник, узда и уздечка, поводья, подшейная кисть, а также аркан, путы, торока, переметные сумы и пр. [Джангар 2020: 280–285; Джангар 2005: 130–131].

Процесс седлания происходит в динамике. При каждом последующем этапе седлания конь приходит в движение: *Тоххин селгэн болв. / Дег миңһн делтр тальвад, / Дегц миңһн тохм тальвхин алднд / Дегц дөчн дөрв бульгад авв; / Дөш мөңгн эмэл тальвхин алднд / Зуурлдгч зуран экинъ / Зууһин шар алтн / Худрһнь гүвдэд унв. / Шур сээхн сүүлинъ сеглэж бээһэд, / Зуран хар мах дахулв. / Турмин алтн көвцг тальвхдан / Ке хөрн тавн төдгтэ / Цаһан мөңгн татурар татв. / Гольшиглуһин / Зеердиг чишкһлнь татад, / Танчс мөңгн савхдынь / Турмин алтн көвцг дорнь / Торһад хайв. / Лаң шар алтн омрувч[ин] / Далн хойр шар алтн товчинъ / Далын бэргр хар махнд / Дээвлтл, татад товчлв. / Дөш мөңгн эмэлин бүүргт / Тасм цаһан жолахинъ өлгэд оркв. / Буһ мөңгн цулврас бэрэд, / Богдын үүднд цервүлэд бээв.* ‘Седлать его настала пора. / Серебром расшитый подпотник положили, / Сверху расшитый серебром потник когда стелили, / Скакун сорок четыре раза взбрыкнул. / Когда широкое, как наковальня, посеребренное седло на нем укрепляли, / На круп его с буграми мышц / С пластинами из освященного желтого золота / Подхвостник брошенный упал. / С коралловым отливом красивый хвост его приподняв, / На крупе его затянули. / Расшитую золотом продолговатую седельную подушку положив, / С красивыми двадцатью пятью застежками / Серебристую заднюю подпругу на нем затянули, / Стройного Зерде до ржания-крика доведя, затянули. / Подпруги серебристой концы / Под расшитую золотом продолговатую седельную подушку / Поддели. / Из ланов желтого золота нагрудник / На семьдесят две желто-золотистые застежки / На плечелопаточных буграх / Так застегнули, что зашатался [скакун]. / На луку широкого, как наковальня, посеребренного седла /

Кожаный белый повод намотали. / Из оленьей шкуры за серебристый повод держа, / У [парадных] дверей *богдо* гарцевать его заставили' [Джангар 2020: 280–283].

Седло со всеми атрибутами в эпосе описывается очень подробно и в соответствии с его особенностями у кочевых народов. Седло — символ воинской полноценности мужчины, его достоинства. На седло кладут «расшитую золотом продолговатую седельную подушку», далее конюший переходит к подпругам («с красивыми двадцатью пятью застежками серебристую заднюю подпругу» так он затягивает, что доводит «Зерде до ржания-крика»), затем он застегивает «семьдесят две желто-золотистые застежки» нагрудника, и седлание завершается тем, что «на луку широкого, как наковальня, посеребренного седла кожаный белый повод намотали» и к Джангару подвели [Джангар 2020: 283].

У ойратов Синьцзяна существует традиция сажания мальчика на коня, этот обряд подробно рассмотрен Б. А. Бичеевым [Бичеев 2023]. Исследователь приводит ряд примеров проведения обряда у ойратов, одним из них является устный рассказ ученого-фольклориста, собирателя фольклорного наследия ойратов, профессора Б. Дамринджава, выступившего в качестве информанта: «Когда мальчику исполняется пять или шесть лет, его впервые сажают на коня белой масти и одевают в белую одежду. Обычное седло не используют, лошадь седлают специальным детским седлом, у которого высокие передние и задние луки и нет железных стремян. Вместо них делают специальные стремяна из войлока. <...> Посадив мальчика на коня, отец ведет лошадь под уздцы и обходит юрты родственников и соседей. Хозяева тех юрт, у дверей которых останавливается мальчик на лошади, выходят ему навстречу с молоком в руках. Этим молоком кропят лоб, гриву, круп коня и дают вкусить мальчику. Затем произносят универсальную формулу благопожелания: „Ноги твои дотянулись до стремяни, руки твои дотянулись до тороков“ — и одаривают мальчика. Как правило, дарят разные части конского снаряжения: недоуздок, кожаные ремни для повода, подпруги, подушка для седла и др. После объезда соседей и родственников возвращаются домой и устраивают угощение для пришедших на праздник гостей. С этого момента мальчик должен самостоятельно управлять конем» [Бичеев 2023: 104].

Таким образом, предметы снаряжения коня в эпосе «Джангар» относятся к предметным реалиям, с помощью которых герой передвигается в эпическом пространстве, проходит трудные испытания и достигает цели боевого похода.

5. Одежда и обувь героя

Вслед за седланием коня джангарчи исполняет традиционную тему одевания героя. В Малодербетовском цикле калмыцкой версии «Джангара» присутствует следующее описание одевания богатыря: *Эрвң нертә кишлг, / Эрднь хул бүшмүд зооглв, / Дөш цаһан биизән зооглв, / Түүни цуһариг дарулгсн / Далн мөрни үнтә / Бүкр луудң бүсән бүслв. / Намчнь нег өрк үнтә / Намжл торһн альчур / Зүн таша деерән хавчулв. / Дөш мөңгн дуулх зооглв. / Зун нэәмн давхрғта / Зулг башмг һосн[и] / Зууза деернь миимлзэд [бәәв]* ‘Из нежного шелка рубаху, / Из шкуры кулана ценный *бешмет* поднесли, / Широкое белоснежное *бизе* поднесли, / Все одевание это / Ценой в семьдесят коней / Из особого шелка поясом затянули. / Ценой в одно семейство за листик узорный / Тонкий, как паутина, шелковый платок / На левом бедре за пояс он заткнул. / Сплошь из серебра шлем ему поднесли. / С каблуками в сто восемь слоев / Сапог на ранту / Задники приминая, плавно ступал он’ [Джангар 2020: 72–73].

Процесс облачения богатыря детализирован и описан в определенной последовательности: сначала надевают «из нежного шелка рубаху», затем «из шкуры кулана ценный *бешмет*», следом «широкое белоснежное *бизе*», стягивают поясом «ценой в семьдесят коней», за пояс затыкают «тонкий, как паутина, шелковый платок», надевают сапоги «с каблуками в сто восемь слоев» и завершает одевание водружение «серебряного шлема» [Джангар 2020: 72–73].

Описание облачения богатыря заканчивается традиционной для всех циклов деталью снаряжения богатыря — богатырской плетью, применяемой как холодное оружие в поединках; ею убивают врагов, недостойных, по мнению героя, почетного удара клинком меча или сабли [Эрдниев 1970: 100].

В Малодербетовском цикле калмыцкой версии «Джангара» по прибытии долгожданного главного богатыря Хонгора на праздню-

вание *Цаган Сар* народ Бумбы приходит в волнение. В цикле джангарчи Ээлян Овла первым красавцем вселенной признан Мингъян, а в прологе Малодербетовского цикла всенародным любимцем является Хонгор. В его портретной характеристике используется традиционное типическое место — формула красоты. Мужественная красота богатыря описана особым языком, любование начинается с описания его одежды, причем описание не статичное, а динамичное: *Дөш цаһан биизин / Ке цаһан ханциг / Далын дергер цаһан мөөрсн талан / Дервкүлжэ хайв, / Дөш цаһан дуулхиг / Барун цох талан / Медг үлг һаңхулад...* ‘Широкого белоснежного бизе ‘Нарядные белые рукава / На выступающие лопатки, / Развевая, откинул он, / Сплошь из серебра его шлем, / Ухарски сдвинутый набок, / Слегка покачивался...’ [Джангар 2020: 78–79].

В синьцзян-ойратской версии «Джангара», в частности, в песне «Алдр Жаңһр Догшн Ширкин тамһиг бэрэд, арслнг баатрмудан цуглулсн бөлг» («Песнь о том, как Славный Джангар, взяв [в руки] печать Свирепого Ширки, собрал своих львов-богатырей») ойратского джангарчи Джавин Джуна тема одевания богатыря имеет схожую с калмыцкой версией структуру, но все же здесь встречаются своеобразные отличия. Так, например, у Джангара между лопатками есть родимое пятно, когда Ага Шавдал надевала ему шелковую белую рубаху, то свет радуги от него исходил [Джангар 2005: 132]. Лучезарность Джангара говорит о его исключительности и взаимосвязи героя с Верхним миром. Вслед за рубахой Джангару надели *эрднин һурвн давхр бүшмүд* ‘драгоценный в три слоя бешмет’, при этом джангарчи упоминает, что эта одежда была изготовлена руками многочисленных ханш-мастериц в течение пяти лет. Бешмет (*бүшмүд*) — это мужской костюм распашного типа, с широкими в верхней части и сужающимися к запястью рукавами и широким подолом. Согласно описанию, в карман ханского бешмета положили *эрднин һурвн хувлһн толи* ‘драгоценное волшебное зеркало’, которое было послано Хормустой-тенгрием (Хормуста — в мифах монгольских народов верховное небесное божество, возглавляющее 33 тенгриев). Затем герою надели красновато-желтого солнца цвета, в восемь слоев лавшиг (халат без пуговиц), в карманы лавшига положили неисчерпаемые золото и драгоценности.

В тексте синьцзян-ойратской версии «Джангара» описание сапог хана Джангара также имеет ярко выраженные поэтические особенности: *Зууза бийини зун дагни ширгсн, / Түрэ бийини түмн дагни торлгсн, / Тэвн жил татлдв гижэ / Тавгарн элдг учр уга, / Зун жил зодлдв гижэ / Зуузаһарн элдг учр уга, / Тэвн хойр товрунасни / Тал талдан дун һарад / Тачкнгсар бээдг. / Күрч улан луудң һосан / Күч иктэ көлдән өмсв гинэ.* ‘Задники [его сапог] были прострочены ста красавицами-дагни / Голенище [его сапог] расшито руками десяти тысяч красавиц-дагни, / Если даже пятьдесят лет носить, / Подошвы не изнаются, / Если даже сто лет носить, / Нет причин изнашиваться задникам, / От пятидесяти двух кнопок / Разные звуки исходят, / Щелчки раздаются. / Темно-красные сапоги / На сильные ноги свои надел, говорят’ [Джангар 2005: 132].

Обувь выполняет защитную функцию, а также «функцию поддержки, опоры человека, выступая при этом своеобразным корнем, связывающим его с родной землей» [Данилова 2010: 105]. Бережное отношение калмыков и ойратов к родной земле отражается в закругленной и приподнятой форме носка традиционной обуви, который не способен нанести какой-либо вред земле.

6. Военские доспехи и вооружение героя

В синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар» облачение богатыря в воинские доспехи изображается в определенной последовательности: *Далдан далвчта, / Тохадан тохавчта / Дээни олн кө хуйган хуйглад, / Дээлдэни һурвн лувцан лувцлв гинэ. / Татлһ огт өгдг уга / Татхла тэвн алд сундг, / Тэвэд оркдг болхла, көглгдэд, / Таг-тиг белкүсндән тасм болдг / Тэрнин хаиһ бүсэһ бүслв гинэ.* ‘На лопатках защита, / На плечах оплечья, / Воинскую кольчугу надел, / Боевые тройные доспехи надел, говорят. / Если потянуть, на пятьдесят две сажени растягивающийся, / Если отпустить, подрагивающийся, / Для поясницы ремешком являющийся, / Заговоренный пояс надел, говорят’ [Джангар 2005: 133].

Доспехи воина в эпосе выполняли защитную функцию. *Кө хуйг* (куяк) — это «панцирь в виде рубахи с широким воротом, оплечьями, рукавами, коротким подолом. Он состоял из широких пластин, крепившихся заклепками к подкладке. <...> Панцири с кольчатопластинчатой структурой бронирования <...> сочетали в себе на-

дежность пластинчатой брони с эластичностью кольчатой и служили хорошей защитой от холодного оружия» [Бобров 2011: 34].

Исследователь Д. Эрдэнэбат в своей работе описывает монгольский воинский доспех, состоящий из четырех частей: «Первая часть, начиная от горла, шеи доходила до бедра и проходила его, огибая переднюю сторону. В зависимости от фигуры человека эта часть начиналась от подмышек, огибала все тело и защищала всю нижнюю часть. Сзади надевалась вторая часть доспеха, защищающая тело от затылка до копчика. Переднюю и заднюю части доспеха зажимали железной канавкой. Начиная с плеча до кисти, подвешивали еще по одной защите. Эти части крепились и связывались кожаной веревкой» [Эрдэнэбат 2015: 82].

Пояс богатыря является одним из важных атрибутов в снаряжении воина. Р. С. Липец отмечает, что «при переходе юноши в разряд взрослых воинов опоясывание боевым поясом, на котором носили оружие, было знаком воинской возмужалости. Боевой пояс — обязательная реалья обряда посвящения в воины, признак социального положения» [Липец 1984: 64].

В героическом эпосе «Джангар» атрибутом воинского доспеха является шлем (*дуулх*) богатыря, который выполнял защитную функцию от вражеских ударов. Шлем эпического богатыря имел форму кочевой кибитки (юрты). В синьцзян-ойратской эпической традиции шлем Джангара описывается, как сверкающий, наделенный магической силой чиндамани головной убор воина [Джангар 2005: 133].

«Личное оружие и конь богатыря характеризуют героя, по личному оружию определяется его статус, а оружие, имеющее собственное название, в контексте соответствующей стилистической формулы служит атрибутом богатыря» [Манджиева 2022: 189].

В калмыцкой версии «Джангара» оружием-атрибутом хана Джангара является метательное оружие *арм* (копье), ясновидца Алтан Чеджи — богатырский лук, богатыря Хонгора — *үлд* (меч), Санала — *ээв балт* (секира), Гюзян Гюмбе — *шор* (штык), *ханжал* (кинжал).

В «Песне о том, как Булингира [сын —] Строгий Смуглый Санал по велению властителя, богдо Джангара отправился и сильную мангасов страну хана Зан Тайджи, [сына] Кюдер Зары, покорив,

вере Джангара подчинил» джангарчи Ээлян Овла перед отправкой Санала в боевой поход богатыри Джангара передают ему свое личное оружие: Савар — секиру, Хонгор — меч, Гюмбе — кинжал. Передача личного оружия в помощь богатырю имеет сакральное значение, вместе с оружием передается сила его владельца, джангарчи, таким образом, подчеркивает, насколько опасными могут быть для Санала действия в стане врага.

В отличие от калмыцкой версии в синьцзян-ойратской эпической традиции оружие не является индивидуальной принадлежностью богатыря. В синьцзян-ойратской версии богатырь, отправляющийся в боевой поход, вооружается пятью видами оружия: кинжалом, джинджалом, алмазно-булатным мечом, копьём, луком, плетью [Джангар 2005: 133–134].

7. Заключение

Рассмотрение предметно-вещного мира в калмыцкой и синьцзян-ойратской версии героического эпоса «Джангар» показало, что в изображении эпической картины мира, его героев, персонажей вещь является одним из элементов, характеризующим образ богатыря, служит выражением его индивидуальности. В изображении эпической картины мира, его героев, персонажей вещь приобретает символическое значение. Так, название эпической страны Бумба ассоциативно связано с функционирующим объектом «сосудом сокровищ», семантическое поле которого является его связующим звеном. Дворец как предметная реалья, организующая эпическое пространство, является символом кочевой культуры, в котором сохранены опыт кочевой жизни калмыков и ойратов, его материальный быт. Эпический дворец Джангара, являясь своеобразным полем притяжения, собирает богатырскую семью за пиршественным столом, где правитель Бумбы выбирает богатыря для отправления в боевой поход. Предметы снаряжения коня и вооружения богатыря в эпосе «Джангар» соотносятся с предметными реальями, с помощью которых герой передвигается в эпическом пространстве, проходит трудные испытания и достигает цели боевого похода. Предметно-вещный мир эпоса «Джангар» включает в себя изображение не только материальной составляющей, но также определяет их функции, образуя сюжетное движение, наполняя и раскрывая индивидуаль-

ность героя и персонажей, отображая религиозно-мифологические пласты кочевой жизни калмыков и ойратов.

Источники

- Джангар 2005 — Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов. В 3 тт. Т. 1. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 856 с.
- Джангар 2006 — Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов. В 3 тт. Т. 2. Элиста: АПП «Джангар», 2006. 831 с.
- Джангар 2020 — Калмыцкий героический эпос «Джангар»: Малодербетовский цикл / вступ. ст. Б. Б. Манджиевой; сверка текстов песен с оригиналом на «ясном письме» Б. Б. Горяевой, Б. Б. Манджиевой, Ц. Б. Селеевой; пер. Т. А. Михалевой; примеч., коммент., словарь, указатели Б. Б. Манджиевой, Т. А. Михалевой; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев, С. Ю. Неклюдов, В. В. Куканова. М.: АО «Первая Образцовая типография», Филиал «Чеховский Печатный Двор», 2020. 544 с.

Литература

- Баранов 2005 — *Баранов Д. А.* Образы вещей (о некоторых принципах семантизации) // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 212–227.
- Бир 2011 — *Бир Р.* Энциклопедия тибетских символов и орнаментов; пер. с англ. Л. Бубенковой. М.: Ориенталия, 2011. 428 с.
- Бичеев 2023 — *Бичеев Б. А.* Обряд сажания на коня у ойратов Синьцзяна // Этнография. 2023. № 2 (20). С. 94–110.
- Бобров 2011 — *Бобров Л. А.* Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Средней, Центральной и континентальной Восточной Азии второй половины XIV–XIX веков: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2011. 54 с.
- Богомаз 2008 — *Богомаз С. М.* Вещь в традиционной культуре тюркских народов Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 3(4). С. 121–126.
- Гуревич 2020 — *Гуревич А. Я.* Избранные труды. «Эдда» и сага. 4-е изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 470 с.
- Данилова 2010 — *Данилова Н. К.* Знаковая система культуры жизнеобеспечения: семантика образа жилища // Гуманитарная наука в Якутии: исследования молодых ученых. Новосибирск: Наука, 2010. С. 97–108.
- Добровольская 2009 — *Добровольская В. Е.* Предметные реалии русской волшебной сказки. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2009. 224 с.

- Калмыки 2010 — Калмыки / отв. ред.: Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2010. 567 с. (Серия: «Народы и культуры»).
- Кичиков 1992 — *Кичиков А. Ш.* Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Наука, Вост. лит., 1992. 320 с.
- Козин 1940 — *Козин С. А.* Джангариада. Героическая поэма калмыков. Введение в изучение памятника и перевод торгутской версии. М.; Л.: АН СССР, 1940. 249 с.
- Липец 1984 — *Липец Р. С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 263 с.
- Лихачев 1968 — *Лихачев Д. С.* Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87.
- Манджиева 2010 — *Манджиева Б. Б.* Символика центра в описании эпической державы (дворец властителя, мировая гора) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 60–63.
- Манджиева 2022 — *Манджиева Б. Б.* Текстология и поэтика Малодербетовского цикла эпоса «Джангар» в контексте эпической традиции калмыков. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2022. 416 с.
- Мысыккаты 2020 — *Мысыккаты Б.* Аркан в этнокультурной традиции алан-осетин // *Nartamongæ: журнал Алано-Осетинских исследований: Эпос, Мифология, Язык, История.* Vol. XV. 2020. № 1–2. С. 178–203.
- Неклюдов 2019 — *Неклюдов С. Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 592 с.
- Рифтин 1982 — *Рифтин Б. Л.* Из наблюдений над мастерством восточно-монгольских сказителей (магтал коню и всаднику) // Фольклор. Поэтика и традиция. М.: Наука, 1982. С. 70–92.
- Романова 2008 — *Романова Г. И.* Мир эпического произведения как теоретико-литературная проблема. М.: НТЦ «Университетский», 2008. 222 с.
- Трещенок 2016 — *Трещенок Ю. М.* Ритуальные функции одежды в традиционной культуре // Религиоведение. 2016. № 2. С. 120–127.
- Ханинова 2012 — *Ханинова Р. М.* Поэтика вещи в русской прозе XX века: учеб. пособие. Элиста: Калм. ун-т, 2012. 188 с.
- Цивьян 1993 — *Цивьян Т. В.* К семантике и поэтике вещи (несколько примеров из русской прозы XX в.) // *Aequinox.* Сб. ст. М.: Книжный сад, Carte Blanche, 1993. С. 212–227.

Эрдниев 1970 — *Эрдниев У. Э.* Калмыки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 282 с.

Эрдэнэбат 2015 — *Эрдэнэбат Д.* Вооружение, одежда, кожаные шлемы и доспехи монголов периода империи чингисидов: дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2015. 206 с.